Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/BEVCCC
УДК 821.131.1.0
ББК 83.3(4Ита)4

ДАНТЕ КАК «УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ»: ФРАНКО НЕМБРИНИ И О. ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ О ДАНТЕ

© 2022 г. А.В. Топорова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 20 декабря 2021 г.
Дата одобрения рецензентами: 23 января 2022 г.
Дата публикации: 25 июня 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-62-75

Аннотация: В настоящей работе анализируется феномен воздействия Данте Алигьери на современного читателя. В качестве основной причины притягательной силы Данте — несмотря на семь столетий, отделяющих нас от его времени, и на немалую сложность его главного произведения, «Божественной комедии», — выдвигается его обращенность к каждому читателю, к его личности, с одной стороны, и представление о поэте как пророке и учителе жизни — с другой. В статье рассматривается, с помощью каких художественных принципов и приемов Данте выполняет свою миссию «учителя жизни» для все новых поколений читателей. В качестве примера взяты две недавние книги о Данте — итальянского педагога Франко Нембрини и русского филолога, историка и священника о. Георгия Чистякова, воспринимающих Данте очень похожим образом — как учителя жизни, а «Божественную комедию» — как неисчерпаемый источник человеческих ситуаций и историй, помогающих сделать правильный выбор, как ориентир на жизненном пути, не дающий заблудиться в «сумрачном лесу», действенный во все эпохи.
Ключевые слова: Данте Алигьери, религиозная литература, средневековая литература.
Информация об авторе: Анна Владимировна Топорова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный гуманитарный университет, ул. Чаянова, д. 15, 125047 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2669-7734
E-mail: anna.toporova@gmail.com
Для цитирования: *Топорова А.В.* Данте как «учитель жизни»: Франко Нембрини и о. Георгий Чистяков о Данте // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 62–75. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-62-75

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

DANTE AS AN "EXISTENTIAL TEACHER": FRANCO NEMBRINI AND FR. GEORGY CHISTYAKOV ON DANTE

© 2022. Anna V. Toporova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: December 20, 2021
Approved after reviewing: January 23, 2022
Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The article examines the phenomenon of Dante's impact on the modern reader. The author of the article claims that the main reason for Dante's continuing allure despite the seven centuries that have elapsed since his day and the considerable complexity of his chef d'oeuvre *Divine Comedy* is the fact that he addresses all readers and their personalities, on the one hand, and the notion of the poet as a prophet and an existential teacher, on the other. The article examines the literary principles and techniques used by Dante to carry out his mission of an "existential teacher" for new generations of readers. To illustrate this thesis, the author analyzes two recent books about Dante written by the Italian pedagogue Franco Nembrini and the Russian philologist, historian and priest Fr. Georgy Chistyakov, who perceived Dante in a very similar way as an existential teacher and his *Divine Comedy* as an inexhaustible source of human stories and situations that help the reader to make the right choice and as a guide to life that saves one from getting lost in the "dark forest" and that remains topical in all times.

Keywords: Dante Alighieri's *Divine Comedy*, reception of Dante's work in the 20th and 21st centuries, moral and didactic pathos of the *Divine Comedy*, Franco Nembrini on Dante, Fr. Georgy Chistyakov on Dante.

Information about the author: Anna V. Toporova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, Russian State University for the Humanities, Chayanova 15, 125047 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2669-7734

E-mail: anna.toporova@gmail.com

For citation: Toporova, A.V. "Dante as an 'Existential Teacher': Franco Nembrini and Fr. Georgy Chistyakov on Dante." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 62–75. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-62-75

Фигура Данте Алигьери удивительным образом и сегодня продолжает привлекать читателей, несмотря на семь столетий, отделяющих нас от его времени, и на немалую сложность его главного произведения — «Божественной комедии». Интерес к личности Данте и его творчеству, как мы видим, не ослабевает со сменой исторических эпох и культурных представлений, а, похоже, лишь возрастает и углубляется, о чем свидетельствует лавинообразный поток исследований, посвященных его сочинениям, а также их многочисленные переводы на разные языки[1]. В чем же заключается уникальная притягательная сила феномена Данте, воздействующая на нас не менее властно, чем на средневекового человека?

Отвечая на этот вопрос, можно говорить о яркой личности и нелегкой судьбе Данте, о его роли в создании итальянского литературного языка, об огромной силе его поэзии, об энциклопедичности его знаний, о строгости и четкости его представлений о мире и человеке, о мощном философско-богословском пласте в его сочинениях и о многих других особенностях его творчества. Но главным все-таки представляется его обращенность к каждому читателю, к его личности, к его сердечным глубинам, с одной стороны, и представление о поэте как пророке и учителе жизни — с другой.

Рассмотрим, с помощью каких «механизмов», художественных принципов и приемов удается Данте выполнять свою миссию «учителя жизни» для все новых поколений читателей. Хорошо известно, что Данте

1 Среди новых переводов «Комедии» на русский язык отметим «художественный» подстрочник «Ада», выполненный Г.Д. Муравьевой [11], а также перевод ритмической прозой нескольких песен «Чистилища» и «Рая», выполненный О.А. Седаковой [3].

выступает в «Комедии» в двойной ипостаси — как автор и как персонаж[2]. Данте-автор сочиняет «Комедию» в строгом соответствии с избранной им «системой координат» и одновременно размышляет над процессом творчества. А Данте-персонаж — это тот, кто путешествует с Вергилием, а затем с Беатриче, по небесным царствам, встречает там разных людей, узнает их истории, ужасается, сострадает, испытывает страх, недоумение, радость, восторг, благодарность. И если образ Данте-автора имеет четкие биографические очертания, то Данте-персонаж, по словам известного американского исследователя Синглтона, — это «каждый человек», "everyman" [7].

Уже в первом стихе поэмы "Nel mezzo del cammin di nostra vita..." (дословно: «В середине дороги *нашей* жизни...») Данте солидаризуется с читателем: местоимение первого лица множественного числа — «нашей, nostro» — подчеркивает включенность героя (далее следует глагольная форма в первом лице единственного числа — «я очутился, mi ritovai») в мир людей. Данте-персонаж один из них, его судьба тесно связана с их судьбами — не только в прошлом, но и в будущем, ведь ему открываются истории жизни тех, кого он встречает, для собственного спасения. И потому Данте-персонаж так заинтересованно, живо, страстно реагирует на их рассказы. Земная жизнь во всем ее драматизме разворачивается перед взором Данте-персонажа, который ставит себя на место своих собеседников, примеряет к себе их ситуации и наказание. Так, созерцание гордецов в Чистилище заставляет его устрашиться наказания за этот грех, который он осознает и в себе самом:

Troppa è più la paura ond'è sospesa
l'anima mia del tormento di sotto,
che già lo 'ncarco di là giù mi pesa (XIII, 136–139)[3]

(«Гораздо большим ужасом смущен / Мой дух пред мукой нижнего обрыва; / Той ношей я заране пригнетен» [12, с. 199])[4].

2 Этой теме посвящено немало исследований; в обобщенном виде она представлена в: [5].

3 Итальянский текст «Божественной комедии» здесь и далее цит. по: [14].

4 Русский перевод «Божественной комедии» здесь и далее цит. по: [12].

В «Аде» этот драматизм тем более усиливается, что финал каждой истории трагичен и изменению участь персонажей не подлежит. Как правило, Данте-персонаж ощущает себя сопричастным судьбе этих людей, и потому он так глубоко потрясен тем, что видит и слышит. А Данте-автор выполняет функции «объективного» начала, он выступает рупором божественного суда. Один из самых ярких примеров несовпадения двух ипостасей мы наблюдаем в знаменитом эпизоде с Паоло и Франческой («Ад» V). Данте-персонаж трепетно вникает в их историю, с большим сочувствием узнает у них подробности зарождения и развития их чувства и трагические обстоятельства их гибели. Внезапно он осознает силу литературного слова, послужившего импульсом для грехопадения, и ужасается тому, что и его сочинения могли послужить для кого-то соблазном (“E caddi, come corpo morto cade” — «И я упал, как падает мертвец», 142). А Данте-автор помещает их в соответствующий их греху круг ада.

Будучи «каждым человеком», Данте аккумулирует в себе жизненный опыт всех персонажей и тем самым обретает возможность передавать этот опыт другим, т. е. быть *учителем жизни*. Пройдя по кругам ада, уступам Чистилища и райским сферам, он обязан рассказать людям о том, что ему было явлено. В этом-то и заключается его миссия. Как известно, божественные откровения давались мистикам и пророкам не столько ради них самих, сколько ради «народа», ради «ближних», совлекшихся с путей Господних. Данте-персонаж оказывается в сходной ситуации: он получает прямые указания рассказать об увиденном. В Чистилище Беатриче обращается к нему с такими словами:

Però, in pro del mondo che mal vive,
al carro tieni or li occhi, e quel che vedi,
ritornato di là, fa che tu scrive (XXXII, 103–105)

(«Для пользы мира, где добро гонимо,
Смотри на колесницу и потом
Все опиши, что взору было зримо» [12, с. 181]).

В Раю прапрадед Данте Каччагвида велит ему «без всякой лжи лукавой» (“rimossa ogne menzogna, tutta tua visïon fa manifesta”, XVII, 127) рас-

сказать людям обо всем увиденном, не заботясь об их реакции, хотя многим это может и не понравиться:

Ché se la voce tua sarà molesta
nel primo gusto, vital nodrimento
lascerà poi, quando sarà digesta (XVII, 130–132)

(«Пусть речь твоя покажется дурна
На первый вкус и ляжет горьким гнетом, —
Усвоясь, жизнь оздоровит она» [12, с. 359]).

Этими словами Каччагвида разрешает недоумение своего потомка, охватившее его в начале путешествия, — почему именно ему выпало такая доля: «Я не апостол Павел, не Эней, / Я не достоин ни в малейшей мере» (“Io non Enëa, io non Paulo sono; me degno a ciò né io né altri ’l crede”, «Ад» II, 32–33).

Сходное наставление звучит из уст апостола Петра:

...e tu, figliuol, che per lo mortal pondo
ancor giù tornerai, apri la bocca,
e non asconder quel ch’io non ascondo (XXVII, 64–66)

(«И ты, мой сын, сойдя к земной судьбе,
Под смертным грузом, смелыми устами
Скажи о том, что я сказал тебе» [12, с. 399]).

Таким образом, Данте должен передать полученную «весть» живущим, чтобы они смогли научиться различать добро и зло и делать правильный выбор. Он выступает как учитель жизни, на собственном опыте изведавший, куда приводит путь греха и путь добродетели. Кроме того, «право» Данте поучать поддерживается и общим пророческим пафосом поэмы. В «Комедии» насчитывается более десятка «пророчеств» — мессианских, исторических, личных, — призванных придать поэме статус священного текста (poema sacro), а ее автору — пророка[5].

5 Пророческий и мистический аспекты «Божественной комедии» исследуются в целом ряде работ, см.: [8; 9; 10].

Этот статус Данте утвердил и тем, что предложил рассматривать свою поэму в четырех смыслах — принцип, применяемый к текстам Священного Писания. В письме к Кан Гранде делла Скала он так сформулирует «экзегетический подход» к «Комедии»: «...необходимо знать, что смысл этого произведения не прост; более того, оно может быть названо многосмысленным, то есть имеющим несколько смыслов, ибо одно дело — смысл, который несет буква, другое — смысл, который несут вещи, обозначенные буквой. Первый называется буквальным, второй — аллегорическим или моральным <...>. И потому надлежит рассмотреть отдельно буквальное значение данного произведения, а потом — также отдельно — его значение аллегорическое. Итак, сюжет всего произведения, если исходить единственно из буквального значения, — состояние душ после смерти как таковое <...>. Если же рассматривать произведение с точки зрения аллегорического смысла — предметом его является человек, то, как — в зависимости от себя самого и своих поступков — он удостаивается справедливой награды или подвергается заслуженной каре» [13, с. 387]. В соответствии с этими смыслами буквальным сюжетом «Божественной комедии» принято считать путешествие героя по загробному миру, где он созерцает состояние душ после смерти; собственно аллегорическим — очищение и восхождение души к Богу; аллегорически-нравственным — необходимость работы над своей душой; аллегорически-анагогическим, или мистическим, — вечное осуждение нераскаявшихся грешников и райское блаженство праведников.

При этом аллегорический метод, используемый в «Комедии», особый. Э. Ауербах предложил обозначать его термином «фигуральный реализм» [1, с. 182–211]. Персонажей «Комедии» он называет «фигурами», другими словами, аллегориями различных грехов и добродетелей. Но при этом каждый из персонажей сохраняет у Данте свою индивидуальность, «человечность», предстает не просто как назидательный образ, своего рода пример (exemplum), а раскрывается как личность, во всей полноте и глубине своего человеческого «я». Думается, что именно в этом заключается мощная притягательная сила «Комедии»: читателю предлагается не сухое назидание, а животрепещущая история жизни, не могущая оставить его равнодушным. Как «учитель жизни» Данте воздействует на читателя яркими, драматичными и «реалистическими» примерами.

И эта его миссия продолжает осуществляться в истории, вплоть до настоящего времени. Рассмотрим роль Данте как учителя жизни на примере двух относительно недавних книг о нем: одна из них принадлежит перу известного итальянского христианского педагога и исследователя Данте Франко Нембрини «Данте, который видел Бога. “Божественная комедия” для всех» [2] (итальянский оригинал вышел под названием «Poeta del desiderio. Conversazioni sulla “Divina Commedia”» [6]); другая — перу историка, филолога и православного священника о. Георгия Чистякова «Беседы о Данте» [4]. В основе обеих книг лежат лекции, беседы, радиовыступления авторов о Данте. Подходы Нембрини и о. Георгия также весьма сходны: в них отчетливо выделяются две составляющие — научно-исследовательская, с одной стороны, и личностный аспект — с другой.

Франко Нембрини в течение более трех десятков лет преподавал Данте школьникам, читал лекции о «Божественной комедии» перед самыми разными аудиториями, писал статьи о Данте и составлял комментарии к «Комедии». Он, безусловно, находится в русле богатой традиции итальянской дантологии: он знаком с ее основными проблемами, умеет тонко и оригинально проследить развитие и трансформацию дантовских идей и образов в более поздней итальянской литературе (например, у Леопарди).

Но что особенно поражает в его восприятии Данте, это личностный аспект. Он очень ярко описывает момент своей первой личной встречи с Данте (до этого он, разумеется, изучал Данте в школе). В возрасте 12 лет он оказался далеко от дома и вынужден был зарабатывать деньги помощником в магазине, что давалось ему очень трудно. Скучая по дому, он решил как-то написать письмо матери, в котором хотел излить свои чувства, но кроме сухих слов ничего не выходило из-под его пера. Вот как он рассказывает об этом событии:

> Тот вечер я помню, как сейчас: в десять часов вечера после тяжелого трудового дня меня попросили разгрузить машину, которая привезла бутылки с вином и водой. Я помню, как, не имея больше сил работать, я носил тяжеленные ящики по крутой лестнице и плакал. И вот, в очередной раз поднимаясь по лестнице, я остановился — оттого, что из глубин памяти всплыла терцина из «Рая», где пращур Данте Каччагвида предсказывает ему изгнание:

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

«Сходить и восходить по ступеням» — строки о том, чем я был занят. Я был поражен, буквально повержен, и потому спросил себя: «Как это возможно? Я из кожи вон лезу, пытаясь найти верные слова, чтобы выразить происходящее со мной, и нахожу в произведении семисотлетней давности то, что описывает мой опыт. Значит, Данте говорит обо мне, значит, у него есть что сказать мне» [2, с. 15].

Данте открылся подростку как спутник жизни, наставник и помощник в трудной жизненной ситуации, и таким он остался для него на всю жизнь, а через него и благодаря ему еще для очень многих людей. В книге Нембрини рассматриваются основные эпизоды «Божественной комедии», и специфика этого анализа заключается в том, что наряду с традиционными трактовками, известными нам по многочисленным комментариям и научным работам, Нембрини всегда обозначает связь каждой конкретной сцены с современностью, точнее, с теми проблемами, которые стоят перед современным человеком так же, как они стояли и перед героями «Комедии». Так, история Паоло и Франчески приводит его к рассуждениям о смысле любви, о ее высоком призвании и об опасности искажения любви; в качестве примера он приводит конкретные жизненные ситуации со своими знакомыми. Нембрини фокусирует внимание на том, что Паоло и Франческа не сумели подняться до подлинной любви, несмотря на всю поэтичность их истории; прелюбодеяние — это всегда уклонение любви с правильного пути. Страсть, убивая разум, убивает человека и физически, и как личность. К этой же оппозиции искаженной и чистой любви Нембрини возвращается, разбирая 31-ю песнь «Чистилища», в которой Данте приносит покаяние в своем отступничестве от Беатриче и, соответственно, от подлинного блага, к которому вела поэта Беатриче. Анализируя встречу с Беатриче на нравственно-эсхатологическом уровне, Нембрини приходит к выводу: «Подлинный шаг свободы — признать свое зло» [2, с. 385].

В каждом событии, изображенном в «Комедии», Нембрини стремится вычленить некий архетип, призванный послужить примером в любую эпоху и для любого человека, т. е. за земной оболочкой события он помо-

гает увидеть ее вечный смысл. И этот подход дает свои результаты. Так, Нембрини вспоминает, как школьница из городка Гротталье, узнав, что ее одноклассник разбился на мотороллере, в отчаянье восклицает: «Я больше никогда его не увижу» [2, с. 498]. И только совместное с Нембрини чтение XXV «Рая», где речь идет о воскресении мертвых, помогает ей обрести душевный покой. Дантовское обетование будущей встречи, а также слова из XIV песни — «Кто сетует, что смерть изведать надо, / Чтоб в горних жить, — не знает, не вкусив, / Как вечного дождя сладка прохлада» (25–27) — оказываются способными воздействовать и на современного человека.

Надо сказать, что Нембрини всегда имеет в виду своих современников. Анализируя сцену гибели Улисса, он делает акцент на несоответствие его поведения божественной воле, т. е. на его своеволие. Улисс хочет превзойти границы человеческого познания лишь с помощью собственного разума — характерная тенденция современности, отмечает Нембрини, — без божественной благодати, а это обречено на неудачу. Жажда познания сама по себе не является абсолютным благом. Подлинное призвание человека — это познание Истины, и, собственно, все путешествие Данте по загробному миру имеет именно такую цель: через познание самого себя прийти к познанию Бога — заключает Нембрини. Его книга стала бестселлером прежде всего именно благодаря своей обращенности к современному человеку, стремлению применить дантовский текст к жизненным ситуациям читателя XXI в.

Сходным образом о. Георгий утверждал, что Данте является современником и даже соотечественником всех людей, что позволяет ему удивительно смело и творчески включать Данте в широчайший культурно-исторический и литературный контекст. Обратимся к его беседе «О Вергилии, Папинии Стации и о поэтическом восприятии Нового времени». В напечатанном виде она занимает всего десяток страниц [4, с. 13–24]. В этом совсем небольшом тексте, исследуя вопрос, почему Данте сделал Стация христианином (чему нет исторических свидетельств), о. Георгий создает масштабную картину духовных и культурных исканий человечества, помогающую ответить на поставленный вопрос. Он упоминает имена Овидия, Горация, Персия, Ювенала, Августина, Амвросия Медиоланского, Цезария Гейстербахского, Сенеки, апостолов Павла и Петра, Марциала. Он приводит точку зрения Гете, а также английского издателя Стация Гэррода. Он упоминает

фреску Благовещенского собора Московского Кремля, на которой изображен Вергилий, а также фрески римских катакомб, Помпей и Геркуланума. Он говорит о греческих стихотворных пересказах пророчества Исайи о Деве в позднеантичной Александрии. Он упоминает перевод «Фиваиды» Стация, выполненный Ю.А. Шичалиным. Такой фантастически широкий кругозор, своего рода «культурная ойкумена», позволяет совершенно иначе увидеть тот или иной аспект дантовского творчества: все оказывается взаимосвязанным и взаимообусловленным; нет ничего случайного, частного, замкнутого в самом себе. Каждый образ и каждое выражение «Божественной комедии» живут в едином вечном пространстве человеческого бытия и человеческой культуры. Поэтому, читая рассуждения о. Георгия о Данте, начинаешь по-новому видеть, казалось бы, уже известные вещи; заново открываешь для себя Данте.

Многие мысли о. Георгия перекликаются с основной идеей Нембрини о мистическом импульсе «Комедии», ср.: «Мне представляется, что чувство Бога нигде более не передано так точно и глубоко, как здесь, в “Божественной комедии” у Данте. Читать Данте, именно его “Рай”, бесконечно радостно и так же бесконечно больно. Каждый стих как бы пронзает тебя до самого сердца. <…> Когда читаешь эти стихи, видишь свою душу, свою совесть, свой ум и сердце как на рентгеновском снимке» [4, с. 54]. Как и Нембрини, о. Георгий открыл для себя Данте в подростковом возрасте, и тот стал его «вечным спутником и незаменимым наставником» [4, с. 6] на всю жизнь.

Будучи филологом и священником одновременно, о. Георгий очень живо и глубоко ощущал связь Слова (с большой буквы) и слова (с маленькой буквы). В его анализе «Божественной комедии» знание Священного Писания, русской и западноевропейской литературы сливается с пониманием человеческой души во всех ее проявлениях. Его подход можно обозначить как движение от анализа конкретной культурно-исторической эпохи (с опорой на весь багаж его знаний) к общечеловеческим положениям. Поэтому не вызывает удивления, когда о. Георгий включает «Комедию» в, казалось бы, слишком широкий литературный контекст и соотносит ее с произведениями Мережковского, Ламартина, Андерсена и даже Аполлодора. Еще более обширен богословский контекст — наряду с Антонием Великим, Амвросием Медиоланским, св. Бернардом мы встречаем, например, частые

ссылки на митрополита Антония Сурожского. И это, разумеется, далеко не все имена и параллели, проводимые в его книге.

Главный же вывод всех этих «сближений» и сопоставлений — тот же, что и у Нембрини: Данте — учитель жизни для каждого человека любой эпохи. В подтверждение приведем две цитаты из книги о. Георгия:

> Смысл этой поэмы, смысл “Божественной комедии” именно таков. Это не отчет о том, что происходит там, в царстве смерти, в загробном мире. Нет, это что-то вроде географической карты для каждого из нас — своего рода атлас, пользуясь которым человек должен выбраться из того мрака, в котором он живет, и подняться к свету [4, с. 50].
>
> Удивительная книга, которую читать радостно и больно. И уверен я, что спутником нашим Данте будет столько же веков, сколько еще будет существовать человечество. Когда он рассказывает о том, что вели его сначала Вергилий, потом Стаций, святой Бернард и Беатриче, так и мы теперь можем рассказать о том, как нас по жизни как спутник и провожатый сопровождает Данте Алигьери [4, с. 65].

Ответ на вопрос о непреходящем значении Данте, поставленный в начале статьи, думается, лучше всего сформулирован в следующих перекликающихся друг с другом словах рассматриваемых нами авторов. О. Георгий Чистяков: «Данте — это один из самых больших поэтов в истории человечества, и, более того, Данте — это личность, с которой связано что-то очень важное, касающееся человеческой совести. <…> Данте — один из тех поэтов, христиан, богословов, которые помогают своим творчеством каждому и каждой из нас понять самих себя» [4, с. 30]. Франко Нембрини о «Комедии»: это «произведение искусства, которое по степени раскрытия тайны жизни, тайны человека, тайны Бога (Тайны всеобъемлющей) достигает невиданных высот: Данте создал самое гениальное литературное (и в определенном смысле мистическое) произведение, описывающее историю человечества» [2, с. 13].

Список литературы

Исследования

1 *Ауэрбах Э.* Фарината и Кавальканте // *Ауэрбах Э.* Мимесис. М.: Прогресс, 1976. С. 182–211.

2 *Нембрини Ф.* Данте, который видел Бога. «Божественная комедия» для всех. М.: Никея, 2021. 624 с.

3 *Седакова О.А.* Перевести Данте. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2020. 128 с.

4 *Чистяков Г.* Беседы о Данте. М.: Центр книги Рудомино, 2016. 222 с.

5 *Bellomo S.* Filologia e critica dantesca. Brescia: La Scuola, 2012. 462 p.

6 *Nembrini F.* Poeta del desiderio. Conversazioni sulla Divina Commedia. Itaca (Castel Bolognese), 2011–2013. Vol. 1–3. 224 p. + 176 p. + 208 p.

7 *Singleton Ch.S.* La poesia della “Divina Commedia”. Bologna: Il Mulino, 1978. 572 p.

8 *Padoan G.* La “mirabile visione” di Dante // Atti del Convegno di studi su Dante. Roma-Firenze, 1965. P. 283–314.

9 *Prandi S.* Il “diletto legno”. Aridit e fioritura mistica nella Commedia, Firenze: Leo S. Olschki, 1994. 146 p.

10 *Trione F.* Paura del senso e timore di Dio: Misticismo nella “Divina Commedia” // Dante Studies. 2011. № 129. P. 187–216.

Источники

11 *Данте Алигьери*. Божественная Комедия. Ад / подстрочный пер. Г.Д. Муравьевой. М.: Пробел-2000, 2021. 603 с.

12 *Данте Алигьери*. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 655 с.

13 *Данте Алигьери*. Малые произведения / изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968. 670 с.

14 *Dante Alighieri.* Commedia / il commento di A.M. Chiavacci Leonardi. Milano: Mondadori, 1991–1997. 3 vols. 1050 p. + 1002 p. + 1306 p.

References

1 Auerbakh, E. “Farinata i Kaval’kante” [“Farinata and Cavalcante”]. Auerbakh, E. *Mimesis* [*Mimesis*]. Moscow, Progress Publ., 1976, pp. 182–211. (In Russ.)

2 Nembrini, F. *Dante, kotoryi videl Boga. “Bozhestvennaia komediia” dlia vsekh* [*Dante Who Saw God: “The Divine Comedy” for All*]. Moscow, Nikeia Publ., 2021. 624 p. (In Russ.)

3 Sedakova, O.A. *Perevesti Dante* [*Translating Dante*]. Moscow, Ivan Limbakh Publ., 2020. 128 p. (In Russ.)

4 Chistiakov, G. *Besedy o Dante* [*Conversations about Dante*]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2016. 222 p. (In Russ.)

5 Bellomo, S. *Filologia e critica dantesca*. Brescia, La Scuola, 2012. 462 p. (In Italian)

6 Nembrini, F. *Poeta del desiderio. Conversazioni sulla Divina Commedia*, vol. 1–3. Itaca (Castel Bolognese), 2011–2013. (In Italian)

7 Singleton, C.S. *La poesia della “Divina Commedia.”* Bologna, Il Mulino, 1978. 572 p. (In Italian)

8 Padoan, G. “La ‘mirabile visione’ di Dante.” *Atti del Convegno di studi su Dante.* Roma, Firenze, 1965, pp. 283–314. (In Italian)

9 Prandi, S. *Il “diletto legno.” Aridità e fioritura mistica nella Commedia*. Firenze, Leo S. Olschki, 1994. 146 p. (In Italian)

10 Trione, F. “Paura del senso e timore di Dio: Misticismo nella ‘Divina Commedia’.” *Dante Studies*, no. 129, 2011, pp. 187–216. (In Italian)